

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей

МОНГОЛЬСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт языка и литературы

З.К. КАСЬЯНЕНКО – **УЧИТЕЛЬ И МОНГОЛОВЕД**

МАТЕРИАЛЫ

Международной конференции, посвященной
90-летию российского монголоведа З. К. Касьяненко

30 сентября – 1 октября, 2015 г.

Санкт Петербург

Санкт-Петербург
Улан-Батор
2016

ПАДЕЖНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ В СТАРОСИБИРСКОМ ОЙРАТСКОМ ДИАЛЕКТЕ

Аннотация: В статье проанализирована морфология образования падежей в старосибирском ойратском диалекте XVIII в. Выявлено алломорфное варьирование их показателей. Определено место старосибирской ойратской падежной системы среди систем других северомонгольских языков.

Ключевые слова: ранние монгольские транскрипционные тексты, старосибирский ойратский диалект, падежные показатели.

Среди монгольских памятников XVII–XVIII вв. особую группу составляют транскрипционные тексты, записанные иностранцами. Несмотря на фонетические неточности и нередкие грамматические ошибки, они представляют большую ценность для науки, ибо избежали влияния многовековой письменной традиции и непосредственно отражают разговорную речь времени своего создания.

Помимо ранних форм калмыцкого, бурятского и собственно монгольского языков, среди таких записей обнаружены памятники, представляющие особый староойратский диалект, который, судя по географии записей, был в то время распространен в южной Сибири [Понарядов 2014]. Пока что обнаружено три таких памятника, причем определение их языка для самих оставивших их европейских авторов представляло определенную проблему: голландский ученый Н. Витсен называет его «даурским» [Witsen 1705, р. 68–73; ср. Найнал 1994; Омакаева, Бурыкин 2008], немецкий путешественник Г. Й. Гмелин «бурятским» [Kara 1966], а русский переводчик Посольского приказа П. И. Кульвинский просто «монгольским» [Рерих, Шастина 1960]. Вместе с представленными в этих памятниках общеойратскими особенностями наиболее заметным языковым явлением, позволяющим выделять их диалект как отдельную лингвистическую сущность, является регулярное развитие в нем древнего «долготного комплекса» *-ауи-* в долгий гласный *-ō-* (в то время как в синхронных калмыцких, бурятских и собственно монгольских записях на его месте уже появляется современный гласный *-й-*) [Понарядов 2014, с. 295].

Объем представленных в этих памятниках лингвистических материалов невелик, поэтому не все падежные показатели в них хорошо представлены. Отсутствуют примеры на употребление соединительного и направительного

падежей, и лишь один не вполне надежный пример имеется на употребление исходного падежа. Однако родительный, дательно-местный, винительный, орудный и совместный падежи засвидетельствованы очень хорошо, включая аллофоническое варьирование их показателей в зависимости от исхода лексической основы.

Приведем весь имеющийся в наличии материал. Поскольку оригинальные записи (составленные неадаптированным латинским алфавитом у Витсена и Гмелина, тибетским письмом у Кульвинского¹) фонетически несовершенны, после них в косых скобках дается предполагаемая фонематическая транскрипция рассматриваемых слов и фраз. Примеры из текстов Витсена, Гмелина и Кульвинского отмечены соответственно буквами В, Г и К.

Родительный падеж образуется с помощью суффиксов *-in*, *-ai/-ei*, *-ī*, *-n*:
-in (после согласных, кроме *n*): В *kolin tabak* /kōlin tabay/ 'плоскости ступни'; *kolin ozegey* /kōlin ös(ö)gei/ 'пятки'; К *apre-in*, *i'i-pa-ri[n]*, *ip-rin* /ewrīn/ 'свой', *dur-min* /dūr(е)mīn/ 'высшего качества';

-ai/-ei (после *n*, один раз после *x*): В *manay* /manai/ 'мой'; *tere, keneu, koemin, kama, odoenay* /tere kenei kümün, kāmā odunai/? 'какой народ ездит там?'; *bi, tschiney, sain, toerki marthachoe, oegey* /bi činej sajn keregī martaxu ügei/ 'я не позабуду ваших хороших дел'; Г *urtu zachai* /uridu zachai/ 'южной стороны'; К *mā-na-yi, ma-na'i, mā-na'i* /manai/ 'наш', *tha-na'i, thā-na'i* /tanai/ 'ваш';

-ī (после *n*): В *jetschegeymeni* /ecegei minī/ 'мой отец'; *tschini* /čini/ 'твой'; *mani geretschi, baine* /manī gereči baiṇa/ 'у меня есть свидетели'; К *khā-ni, khān-nī* /xānī/ 'царя', *či-ni'i, čhī-ni, čhi-ni* /čini/ 'твой', *mi-ni'i* /minī/ 'мой';

-n (после дифтонгов): В *nochin, koin* /похоṣ kōṇ/ 'собачий сын'.

Дательно-местный падеж образуется с помощью суффиксов *-du/-dū*, *-tu/-tū*: В *tschiridoe mordoba jere* /čirigtū mordoba ere/ 'мой муж уехал на военную службу'; *tschamadoe eme baynoe?* /čamadu eme bain-ū/ 'есть ли у вас жена?'; *jendo olon tolonay?* /yōndu olon tolonai/ 'почему вы считаете так много?'; *setkil tschamadoe baynoebi?* /sedkil čamadu bain-ū/ 'есть у вас ум?'; *setkil tamgatoe oegey* /sedkil tenegtū ügei/ 'у сумасшедшего нет ума'; *bida tschamadoe karanay oegey* /bida čamadu xaranai/ 'я вас не оскорбил'; *tschamadoe io koemaldoechoe baine?* /čamadu yō gömöldüxü/ 'что вы продаете?'; *joendo oelganay?* /yōndu ülyanai/ 'по-

¹ Примеры из записанного тибетским письмом текста П. И. Кульвинского ниже цитируются в романизированной передаче по [Рерих, Шастина 1960]. Следует отметить, что Кульвинский не всегда следует обычным правилам тибетской орфографии: употребляет знаки придыхательных согласных в конце слога, часто пропускает разделяющую слоги точку и др. Романизованная передача сохраняет все эти особенности.

чему вы плачете?»; *tandoe* /mandu/ ‘у меня’ (букв. ‘у нас’); *tschamadoe* ‘у вас’ (букв. ‘у тебя’); *jundo ireboe?* /yūndu irebe/ ‘почему вы идете?»; *ju, tschamadoe koetaldoe, bayne?* /yū čamadu xudalduxu baina/ ‘что у тебя есть продать?»; *bida, jamar sain, tschamadoe, oedzeba?* /bida yamar sain čamadu ačiba/ ‘чем мы вам заплатим за ваш товар?’ (букв. ‘какого хорошего мы вам нагрузим?’); *tana, tere koeminoedoe, soergoeba* /ta nar tere kümündü suryaba/ ‘вы хорошо учили этого человека’; *tschikendoe, keleksen?* /či kendü kelegsen/ ‘кому вы говорите?’ (букв. ‘кому ты говоришь’); *tandoe jadzi, irebe oegey?* /mandu yāji irebe ügei/ ‘почему вы никогда к нам не заходите?’; *Г arichin dogalfaba* /arxindu galzaba/ ‘опьянел от вина’; *adon doni* /adūndu-ni/ ‘среди коней’; *termedene* /termedü-ni/ ‘на стеной решетке (юрты)’; *K haan-du* /xāndu/ ‘хану’; *čhi-ma-du, čha-mā-du, čha-ma-du, čhā-mā-du* /čamadu/ ‘тебе’; *khān-du, kha’andu* /xāndu/ ‘царю’; *pičhikhthu* /bičigtü/ ‘в письме’; *Mos-ko-wa-du* /moskwadu/ ‘в Москве’; *è-čhi-gendu* /ecigendü/ ‘отцу’; *nu-tukh-thu* /nutuγtu/ ‘в область’; *Tho-pol-du* /toboldu/ ‘в Тобольск’; *thu-rel-tu* /töröldü/ ‘родичам’; *il-čhi-du* /ilčidü/ ‘послу’; *sa-ra-tu* /saradu/ ‘в месяц’.

Исключение составляет личное местоимение 1 л. ед. ч., всегда имеющее в дат.-мест. падеже форму /nada/: *B nada sain ketsch* /nada sain ki čī/ ‘сделай мне добро’; *nada atza* /nada ači/ ‘дай (букв. нагрузи) это мне’; *bainoenadatschamayjum kelekoe* /bainai nada čamai yūm kelekü/ ‘у меня есть о чем поговорить с вами’; *K nā-da, na-da, na-dā, nā-dā* /nada/ ‘мне’.

Винительный падеж образуется с помощью суффиксов -ī, -i:

-ī (после согласных): *B bi, teoeni, medekoe, ogey* /bi tōni medekü ügei/ ‘этого я не могу сделать’; *bi, tschiney, sain, toerki marthachoe, oegey* /bi činei sain keregī martaxu ügei/ ‘я не позабуду ваших хороших дел’; *Г abe töne baritŕche* /abu, tōni bari čī/ ‘отец, пойми это’; *K čār-lā-gā’i* /zarliyi/ ‘указ’;

-i (после гласных): *B oeran, soerga, namay, nom bitschik* /uran, surya namai nom bičig/ ‘учитель, научите меня читать и писать’; *bainoenadatschamayjum kelekoe* /bainai nada čamai yūm kelekü/ ‘у меня есть о чем поговорить с вами’ (букв. ‘у меня есть тебя что-то сказать’).

Орудный падеж образуется с помощью суффикса -ār/-ēr:

K čār-likhar /zarliyar/ ‘по указу’, *u-ner* /ünēr/ ‘верно’.

Совместный падеж образуется с помощью взаимозаменяемых суффиксов -tai/-tei и -tu/-tü:

-tai/-tei: *B koedinasittay dzonbayne?* /keden nasutai bainai/ ‘сколько вам лет?’; *odo kerektey* /odō keregtei/ ‘мне сейчас нужно’; *K thu-re-the-yi* /töröltei/ ‘с родичами’, *khe-khe-the’i* /xūxedtei/ ‘с сыновьями’, *sā-yi-the’i* /saidtei/ ‘со служилыми людьми’, *no-khor-the-yi, ne-kher-the’i* /nōxörtei/ ‘с товарищами’, *mo sa-nā-tha’i čī-rikhte’i* /mō sanātai cerigtei/ ‘с коварными врагами (букв. воинами)’, *thā-na’i nu-thukh-ta’i* /tanai nutugtai/ ‘с твоим (букв. вашим) владением’;

-tu/-tü: *B koiney kerektoe /xoiŋa keregtü/* ‘мне потом нужно’; *jarta morin / yartu morin/* ‘лошадь под седлом’¹; *K pakhsidu /baʃitu/* ‘с наставником’.

В целом система падежных показателей в старосибирском ойратском диалекте XVIII в. являет собой переходную стадию развития от среднемонгольского состояния к состоянию современных северомонгольских языков. Однако для него характерно также развитие некоторых специфических инноваций, которые в других монгольских идиомах не встречаются или встречаются редко. В частности, если показатель винительного падежа -i, используемый после согласных, представляет собой среднемонгольский архаизм, ныне полностью утраченный в ойратском ареале (хотя и сохраняющийся в некоторых современных собственно монгольских и бурятских диалектах), то употребляющийся после гласных показатель этого падежа -i̇ находит параллели лишь в хамниганском [Janhunen 2003, p. 89]. Совместный падеж образуется не только показателями -tai/-tei, как во всех современных северомонгольских языках, но и -tu/-tü. В среднемонгольскую эпоху с помощью обоих этих суффиксов образовывались прилагательные, причем последний из них сохраняет эту функцию и в современных северомонгольских языках, а старосибирский ойратский диалект, как видим, обнаруживает особую линию развития, сочетая их в падежной парадигме.

Таким образом, несмотря на большую близость рассмотренной системы падежных показателей к другим северомонгольским системам, некоторые ее детали являются своеобразными. Это позволяет дополнить фонетические и лексические критерии выделения старосибирского ойратского диалекта морфологическими.

Список литературы

1. Омакаева, Бурыкин 2008: Омакаева Э. У., Бурыкин А. А. Материалы по дагурскому языку XVII в. из книги Н. Витсена «Северная и Восточная Татария» как лингвистический источник // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН, 2008, № 1. С. 47–56.
2. Понарядов 2014: Понарядов В. В. Об одном забытом староойратском диалекте XVIII века // Материалы Международной научной конференции «Актуальные проблемы современного монголоведения и алтаистики», посвященной 75-летию со дня рождения и 55-летию научно-педагогической деятельности профессора В.И. Рассадина (Элиста, 10–13 ноября 2014 г.). Элиста, 2014. С. 294–296.

¹ В старосибирском ойратском диалекте /yar/ ‘седло’ < тюрк.; ср. казах. уер, таг. iyär и др.

3. Рерих, Шастина 1960: *Рерих Ю. Н., Шастина Н. П.* Грамота царя Петра I к Лубсан-тайджи и ее составитель // Проблемы востоковедения, 1960, № 4. С. 140–150.
4. Hajnal 1994: *Hajnal L.* Witsen's «Dagur» material // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae, T. XLVII, 1994, Fasc. 3. P. 279-326.
5. Janhunen 2003: *Janhunen J.* Khamnigan Mongol // The Mongolic Languages. London; New York, 2003. P. 83–101.
6. Kara 1966: *Kara G.* Un chanson «bouriate» du XVIIIe siècle // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae, T. XIX, 1966, Fasc. 2. P. 201–210.
7. Witsen 1705: *Witsen N.* Noord en Oost Tartaryen. Eerste deel. Amsterdam, 1705.

V. V. Ponaryadov

CASE MARKERS IN THE OLD SIBERIAN OIRAT DIALECT

Abstract: *The article analyzes the morphology of case marking in the 18th century Old Siberian Oirat dialect. The allomorphic variation of case suffixes is determined. The place of the Old Siberian Oirat case system among the systems of other North Mongolian languages is established.*

Keywords: *early Mongolian transcriptional texts, Old Siberian Oirat dialect, case markers.*